

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

2 июля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А.Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки Л.В.Морозовой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка Л.В.Морозова оспаривает конституционность абзаца третьего статьи 1100 ГК Российской Федерации, согласно которому компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случае, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного

взыскания в виде ареста или исправительных работ.

Как следует из представленных материалов, Л.В.Морозова обратилась в суд в порядке частного обвинения с целью привлечения гражданки К. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 129 «Клевета» УК Российской Федерации. Приговором мирового судьи судебного участка № 59 Центрального округа города Краснодара от 18 апреля 2011 года, оставленным без изменения судами вышестоящих инстанций (постановлением Первомайского районного суда города Краснодара от 16 июня 2011 года и определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 21 сентября 2011 года), К. была оправдана за отсутствием в ее действиях состава преступления, ей разъяснено право на реабилитацию.

Решением Октябрьского районного суда города Краснодара от 17 октября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 7 февраля 2013 года, был частично удовлетворен иск К. о взыскании с Л.В.Морозовой компенсации морального вреда, причиненного необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Суд со ссылкой на статью 136 «Возмещение морального вреда» УПК Российской Федерации и пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» частично удовлетворил требования истицы, указав, что, по смыслу ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвинение по уголовным делам частного обвинения в судебном разбирательстве поддерживает потерпевший, который несет бремя доказывания оснований обвинения и связанный с этим риск неблагоприятных последствий несостоятельности обвинения, включая обязанности, связанные с правом обвиняемого на реабилитацию; постановление оправдательного приговора подтверждает факт причинения истице нравственных страданий, и ею доказаны юридически значимые обстоятельства, предусмотренные статьей 151

«Компенсация морального вреда» ГК Российской Федерации, а также его статьями 1099 и 1100 об общих положениях и основаниях компенсации морального вреда.

По мнению заявительницы, оспариваемое законоположение не соответствует статье 33 Конституции Российской Федерации (согласно которой граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления) в той мере, в какой это законоположение в его буквальном истолковании правоприменительными органами не предусматривает в качестве необходимого основания гражданско-правовой ответственности наличие вины причинителя морального вреда в случаях, когда такой вред причинен лицом, считающим себя потерпевшим от преступного посягательства и выступающим в качестве частного обвинителя, лицу, в отношении которого по его заявлению было возбуждено дело частного обвинения и которое оправдано приговором суда.

2. В ряде своих решений Конституционный Суд Российской Федерации уже обращался к вопросу о возможности проверки конституционности законоположений, в совокупности составляющих правовую основу для реабилитации – возмещения имущественного вреда, устранения последствий морального вреда и восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах (часть первая статьи 133 УПК Российской Федерации) – граждан, в отношении которых по делу частного обвинения постановлен оправдательный приговор или прекращено уголовное преследование.

Так, в Определении от 19 февраля 2004 года № 106-О Конституционный Суд Российской Федерации признал, что взыскание в пользу реабилитированного расходов, понесенных им в связи с привлечением к участию в уголовном деле, со стороны обвинения, допустившей необоснованное уголовное преследование подсудимого, является неблагоприятным последствием ее деятельности; при этом, однако, возложение на частного обвинителя обязанности возместить лицу, которое

было им обвинено в совершении преступления и чья вина не была доказана в ходе судебного разбирательства, понесенные им вследствие этого расходы не может расцениваться как признание частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как клевета или заведомо ложный донос.

В Определении от 25 января 2007 года № 136-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил: тот факт, что положения статей 133 и 136 УПК Российской Федерации не содержат указания на распространение их действия на случаи возмещения вреда лицу, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось в порядке частного обвинения и было прекращено в связи с отказом частного обвинителя от обвинения, не может расцениваться как свидетельство отсутствия у государства обязанности содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов, затронутых необоснованным уголовным преследованием, – такая защита может быть осуществлена путем принятия судом по заявлению этого лица решения о возмещении ему вреда в ином процессуальном порядке на основе норм гражданского права.

2.1. Конкретизируя конституционно-правовой принцип ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, федеральный законодатель установил порядок и условия возмещения причиненного лицу в уголовном судопроизводстве вреда в отраслевых законодательных актах, прежде всего в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, нормами главы 18 которого предусматриваются – наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда – упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц специальные публично-правовые механизмы, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года № 1-П, от 2 марта 2010 года № 5-П и от 19 июля 2011 года № 18-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1477-О-О).

Такое правовое регулирование, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 октября 2011 года № 22-П, распространяется и на правоотношения по возмещению вреда, возникающие при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, поскольку применимость закрепленного указанной главой специального порядка взыскания с государства вреда предпрещается не видом уголовного преследования, а особым статусом причинителя вреда, каковым могут быть лишь упомянутые в части первой статьи 133 УПК Российской Федерации государственные органы и должностные лица – орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд; правоотношения по реабилитации, возникающие в производстве по делам частного обвинения, остаются в сфере действия главы 18 УПК Российской Федерации в той мере, в какой вред, причиненный при осуществлении уголовного преследования частным обвинителем, является следствием незаконных решений со стороны рассматривающего данное дело мирового судьи или суда вышестоящей инстанции, что предполагает право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда как органа государственной власти или судьи как его должностного лица, и корреспондирующее ему публично-правовое обязательство Российской Федерации как демократического и правового государства перед пострадавшими при отправлении правосудия от действий уполномоченных им органов и должностных лиц.

Таким образом, обязанность компенсации морального вреда несет либо государство – в тех случаях, когда причинителем вреда является суд, либо частный обвинитель – если вред причинен только его незаконными действиями. Независимо от того, кто именно выступает причинителем вреда – частное лицо или государство в лице суда, моральный вред, причиненный гражданину в связи с производством по уголовному делу частного обвинения, подлежит компенсации в порядке гражданского судопроизводства.

2.2. Касаясь вопроса о необходимости учета вины частного обвинителя

при разрешении судом спора о компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 28 мая 2009 года № 643-О-О указал, что реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не является основанием для постановки его в равные правовые условия с государством в части возмещения вреда в полном объеме и независимо от наличия его вины.

Для правильного применения абзаца третьего статьи 1100 ГК Российской Федерации необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: если при рассмотрении дела суд установит, что обращение лица с заявлением в государственные органы и органы местного самоуправления не имело под собой никаких оснований и было продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, т.е. имело место злоупотребление правом, то компенсация морального вреда возможна. Это в полной мере соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что не исключается использование гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотреблений своим правом со стороны частного обвинителя, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу (Постановление от 17 октября 2011 года № 22-П).

Как показывает правоприменительная практика, суды общей юрисдикции сообразно указанным правовым позициям при рассмотрении дел, аналогичных делу Л.В.Морозовой, исследуют, как правило, вопрос о том, имело ли место злоупотребление со стороны частного обвинителя своим

правом на обращение в суд с целью возбуждения уголовного дела частного обвинения, и, не находя такого злоупотребления и не ограничиваясь самим по себе фактом постановления оправдательного приговора, правомерно делают вывод о том, что частный обвинитель лишь реализовал таким образом свое право на личное обращение в государственные органы.

Абзац третий статьи 1100 ГК Российской Федерации, закрепляющий основания компенсации морального вреда, и статья 152 ГК Российской Федерации, определяющая порядок реализации конституционного права на защиту чести и доброго имени, находятся в общей системе правового регулирования, а потому суды общей юрисдикции при их применении вправе и обязаны обеспечивать баланс интересов, при котором равному признанию и защите подлежало бы как право одного лица, выступающего в роли частного обвинителя, на обращение в суд с целью защиты от преступления, так и право другого лица, выступающего в роли обвиняемого, на компенсацию морального вреда, причиненного ему в результате необоснованного уголовного преследования. Это в полной мере согласуется с предписаниями статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц и которая в соответствии со статьей 15 (часть 1), будучи нормой прямого действия, подлежит применению судами при рассмотрении ими гражданских и уголовных дел.

2.3. В силу вытекающего из Конституции Российской Федерации требования правовой определенности используемая в абзаце третьем статьи 1100 ГК Российской Федерации характеристика осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ как незаконных может пониматься и применяться только с учетом положений уголовно-процессуального законодательства, поскольку иное означало бы, что в гражданском законодательстве могут считаться незаконными уголовно-процессуальные действия, разрешенные уголовно-процессуальным законом.

Поскольку уголовно-процессуальное законодательство различает понятия «незаконного» и «необоснованного» уголовного преследования, постольку нет оснований считать, что компенсация морального вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, должна осуществляться независимо от вины частного обвинителя. Не вытекает указанное требование и из части первой статьи 133 УПК Российской Федерации, регламентирующей, что при реабилитации вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда, но не предусматривающей аналогичного правила для случаев частного обвинения.

Само по себе обращение в мировой суд с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности за клевету в порядке частного обвинения не может быть признано незаконным только лишь на том основании, что в ходе судебного разбирательства предъявленное обвинение не нашло своего подтверждения, в том числе в связи с отказом частного обвинителя от дальнейшего преследования. В противном случае ставились бы под сомнение конституционное право каждого на обращение в государственные органы и право на судебную защиту, выступающее, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, гарантией всех других прав и свобод человека и гражданина, в частности права на защиту своей чести и доброго имени, гарантированного статьей 23 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, абзац третий статьи 1100 ГК Российской Федерации с учетом правовых позиций, содержащихся в указанных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, вопреки утверждению заявительницы не препятствует осуществлению гражданином права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, гарантированного статьей 33 Конституции Российской Федерации.

Проверка же правильности применения судами норм в конкретном деле заявительницы, в том числе с учетом сформулированных

Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, как предполагающая оценку законности и обоснованности соответствующих судебных постановлений, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, определенную в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 3 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 1058-О

В.Д.Зорькин